

УДК 311

КАПУСТИНА Елена Геннадьевна,
старший преподаватель факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия
akademus07@rambler.ru

KAPUSTINA Elena Gennadyevna
Senior Lecturer, Department of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
akademus07@rambler.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И МОЛОДЕЖИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

COMMUNICATION PRACTICES OF POWER- TO-YOUTH INTERACTION (A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Молодежь как специфическая социально-демографическая группа является объектом изучения социологии. В круг интересов социологов попадают ценности и потребности молодых людей, их социальное самочувствие, уровень социализации молодежи, ее место и роль в социальном обществе. В настоящее время во внимании российской социологической науки остается проблематика исследования взаимодействия власти с молодежью, несмотря на то, что молодежная политика является частью внутриполитического курса современной России. Пробуждение исследовательского интереса к данной проблематике обусловлены изменениями во взаимоотношениях власти и молодежи, происходящие в современной российской коммуникативной практике. В статье проведен социологический анализ существующих форм коммуникационного взаимодействия государства и молодежи, выделены основные факторы, влияющие на данную интеграцию, а также определены стратегические ориентиры дальнейшего развития взаимоотношений органов власти и российской молодежи.

Youth being a specific social and demographic group, is an object of study in sociology. The sociologist' range of interests encompasses values and needs/ requirements of young people, the way they feel in the community, level of socializing for youngsters, a position and part taken by youth in society' structure. So far an opportunity to carry on research on the set of problems regarding power –to- youth interaction stays on the fringes of Russian sociologist' concern, in spite of the fact that the youth policy nowadays being part of the Russian interior political course. Awakening of researcher' interest to this set of problems has been caused by changes in power –to- youth relations having occurred in the contemporary Russian communication practice. The paper presented a sociological survey of existing formats of communicative interactions between the State and youth, having picked out the major factors influencing the integration, and also determined reference points for the strategy of further development of relations between the authorities and Russian youngsters.

Ключевые слова: молодежь, государство, взаимодействие, коммуникации, социологический анализ, молодежная политика.

Key words: youth, state, interaction, communications, sociological survey, youth policy

Молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет в России около 36 млн человек – это почти четверть населения нашей страны.

С позиций социологии основополагающим критерием выделения категории «молодежь» является ее восприятие как органического элемента общества, формирующего распределительные отношения, в том числе с государственной властью [3].

Наиболее актуальными задачами взаимодействия власти и молодежи в настоящее время являются:

- создание условий для вовлечения молодых людей в различные социальные практики, чтобы они были уверенными в своих силах и были востребованы в обществе;
- развитие личности, приобретение профессиональных и личностных компетенций;
- формирование ценностей, среди которых – воспитание семейных ценностей, толерантности и взаимоуважения.

Для решения указанных задач могут быть реализованы следующие формы коммуникаций:

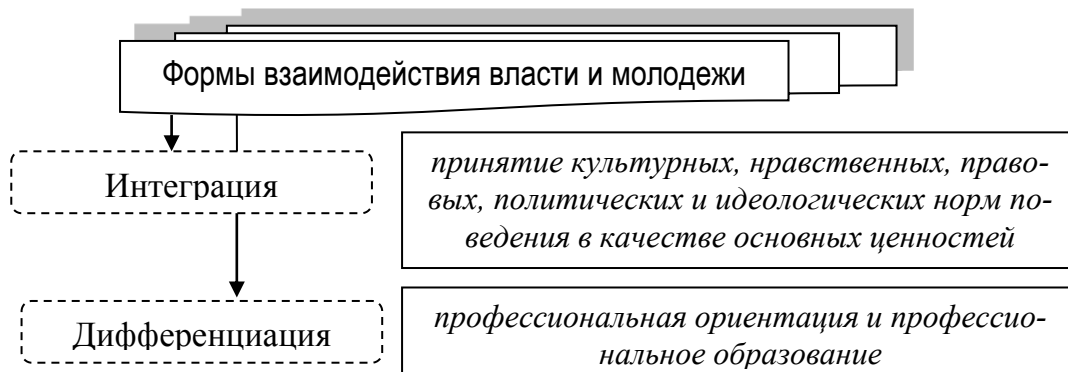

Рисунок 1. Формы взаимодействия власти и молодежи

Как показывает ретроспективный анализ, вопросам социологического исследования методов и способов взаимодействия власти и молодежи уделялось всегда значительное внимание.

В таблице 1 приведена авторская периодизация этапов становления и развития коммуникаций власти и молодежи.

Таблица 1. Периодизация этапов становления и развития коммуникаций власти и молодежи в России.

Период	Характеристика
Первое десятилетие XX в.	Начало расширения роли государства, опекунских организаций в воспитании, профессиональной подготовке детей
1920–1960 гг.	Тотальный государственный контроль над молодежью с помощью комсомольской и пионерской организаций
1960 –1980 гг.	Восприятие молодежи как активного субъекта общественных отношений, актуализация категории «общественное мнение»
1980 – 1990 гг.	Рост политической и культурной активности молодежи
1990 – 2000 гг.	Зарождение и развитие государственной молодежной политики
2000 гг. по настоящее время	Современный этап развития интеграционного взаимодействия власти и молодежи

До начала нового тысячелетия ведущие общероссийские молодежные объединения и государственный орган, осуществлявший молодежную политику на федеральном уровне, выступали как единый субъект, который выражал, прежде всего, интересы молодежи и пытался отстаивать их перед «взрослыми» секторами государства и общества. Это была общая и достаточно хорошо скоординированная борьба за свою «молодежную» долю государственных ресурсов, в которой все – и государственные, и общественные структуры – доступными им методами работали на общую задачу [1, 7].

Такие формы взаимодействия государственных и общественных структур, работавших в молодежной сфере в начальный период формирования новой российской государственности, видимо, были единственно возможными и наиболее продуктивными. Однако такое «сращивание» несло и существенные изъяны, причем в деятельности как государственного, так и общественного секторов, участвующих в реализации молодежной политики.

Действуя в парадигме защиты интересов молодежи, государственные структуры не обращали должного внимания на концептуальную разработку и формулирование специфических интересов общества и государства относительно молодежи, которые должны реализовываться через собственную государственную молодежную политику. Остались без должного ответа вопросы, что приобретает общество от вложений в молодежь и что оно теряет при отсутствии таких вложений. Недостаточно была обоснована необходимость повышения приоритетности государственной молодежной политики во внутренней политике государства.

Современный этап взаимодействия власти и молодых людей характеризуется наличием следующих проблем:

- 1) растущая глобализация и конкуренция: нужно чтобы каждый человек был успешен и получал необходимые ресурсы для своего развития.
- 2) растущее культурное многообразие: надо искать способы повышения толерантности и позитивной социализации молодых людей.
- 3) недостаточная включенность в работу социальных и политических институтов.

Для решения указанных проблем продолжается поиск и реализация эффективных коммуникаций власти и молодежи.

На современном этапе развития коммуникаций следует выделить следующие формы их проявления:

- 1) представление интересов молодежи в органах власти;
- 2) участие в нормотворческой деятельности, прежде всего – в сфере государственной молодежной политики;
- 3) подготовка молодых кадров;
- 4) проведение социально-значимых мероприятий;
- 5) просветительская деятельность.

Согласно социологическим исследованиям, в настоящее время не более 10% российской молодежи участвуют в деятельности различных общественных и политических институтов,

что подтверждает существование ряда проблем в практике реализации молодежной политики [5].

Как правило, деятельность общественно-политических формирований молодежи имеет фрагментарный характер, отсутствует анализ имеющихся и потенциальных проблем и стратегическое планирование по их решению, что в конечном счете ведет к формированию в качестве требующих решений конъюнктурных и текущих проблем.

Коммуникативные практики взаимодействия власти и молодежи характеризуют доступность представителей последней к принятию различных управленческих решений.

Согласно проведенному социологическому опросу, каждый четвертый российский молодой человек считает, что не имеет возможности оказывать влияние на политику государства.

4% опрошенных считают, что могут влиять по современную политику государства в полной мере. Чуть больше 40% молодежи убеждены в том, что могут оказывать влияние на политику государства по отдельным вопросам.

Каждый четвертый убежден, что он абсолютно не может повлиять на политику государства.

Оценка доступности молодежи к принятию управленческих решений приведена на рисунке 2.

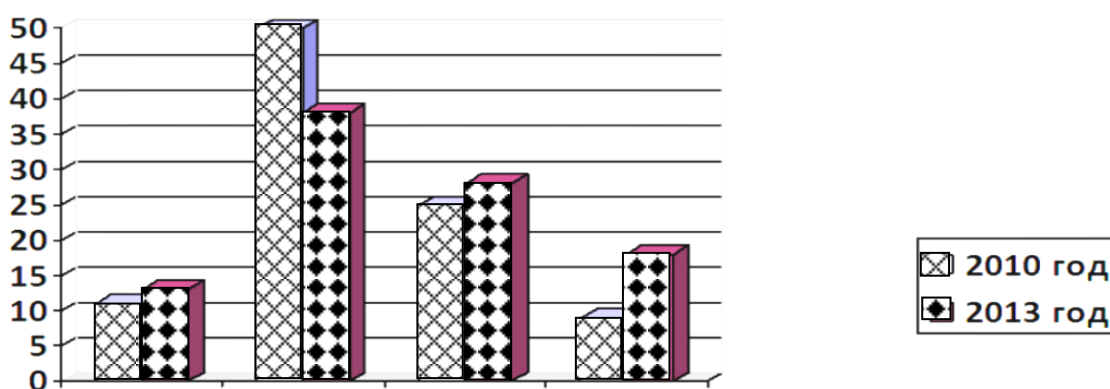

Рисунок 2. Результаты социологического опроса на предмет доступности молодежи к принятию управленческих решений

Подтверждает сложившееся настроение и результат оценки демократии в России студентами высших учебных заведений:

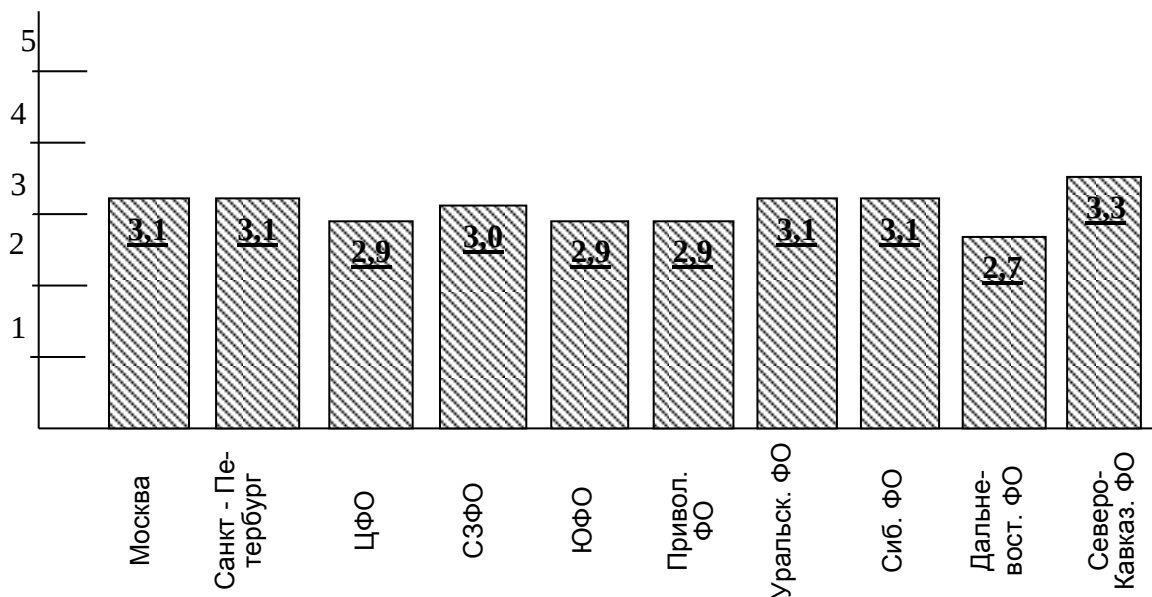

Рисунок 3. Оценка студентами состояния демократии в России

Оценка проводилась по пятибалльной шкале, в среднем оценили демократию на три балла. Характеризуя полученные результаты, следует отметить, что: оценили состояние демократии на 2 и менее баллов – 28,2%, на 3 балла – 39,8%, на 4 и более баллов – 29,7% студентов; затруднились ответить 2,3%. Самые низкие оценки студентами состояния демократии в России – в Дальневосточном, Центральном, Южном и Приволжском федеральных округах, самая благоприятная оценка – 3,3 балла – в Северо-Кавказском ФО.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение», интересуются политикой 37% молодежи, а почти две трети наших молодых сограждан (62%) не проявляют интереса к этой сфере. Наиболее аполитичная группа – молодежь в возрасте от 18 до 29 лет (рисунок 4, данные в % от числа опрошенных) [9, 11].

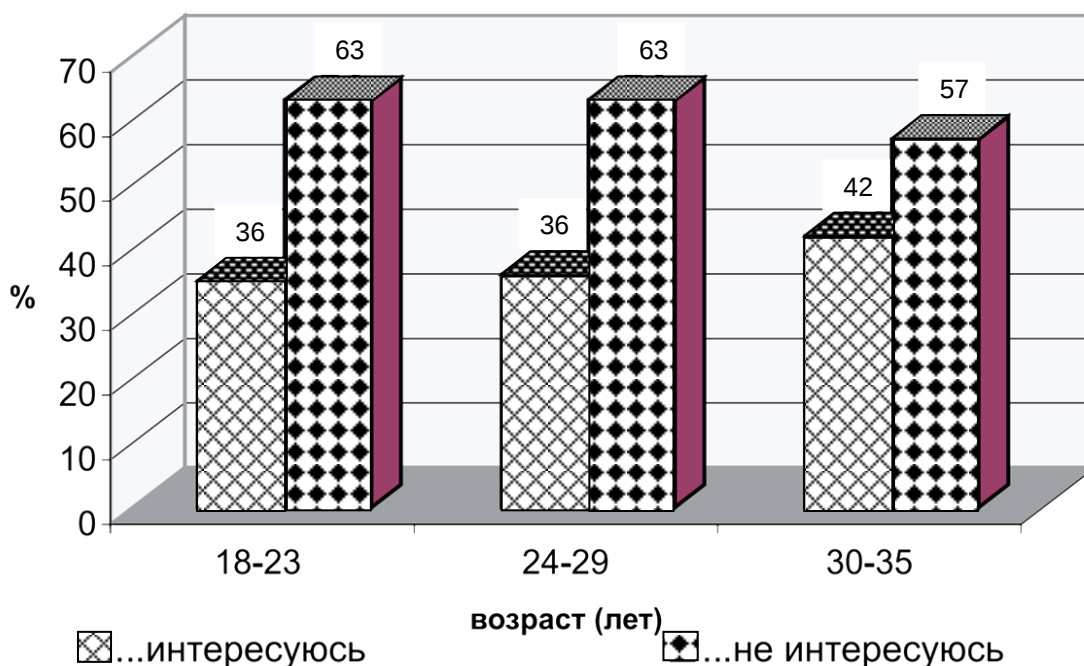

Рисунок 4. Результаты социологического опроса «Вы интересуетесь или не интересуетесь политикой?»

Большой интерес к политике проявляют также молодые люди с высшим образованием, сравнительно состоятельные. Так, представители молодежи с высоким уровнем материального благосостояния уверены, что могут оказывать влияние по политику государства. В то время как только 7% малообеспеченных молодых людей считают, что могут принять участие в решении управленческих задач.

Одним из важных показателей политической активности молодежи является готовность лично участвовать в политической деятельности. В одном из опросов Фонда «Общественное мнение» молодых людей спросили: «Вы допускаете или исключаете для себя возможность стать активистом какой-либо партии?». Утвердительно ответили на этот вопрос 12% респондентов, отрицательно – 81%, затруднились ответить – 7%. Конечно, число тех, кто «допускает возможность» стать партийным активистом, вовсе не отражает реальный потенциал «кадрового резерва» для российских партий. Решение о том, тратить ли свое время на партийные дела, будет зависеть от множества ситуативных обстоятельств. Тем не менее, тот факт, что подавляющее большинство молодых людей абсолютно исключает для себя возможность стать активистом той или иной партии, свидетельствует о значительной политической пассивности молодежи. Причины этой пассивности – тема особого анализа, именно в силу того, что проблема является многоаспектной [2, 5].

С одной стороны, молодежь не имеет навыков самоорганизации, артикуляции и отстаивания собственных интересов.

С другой стороны, сами политические партии не занимаются деятельностью по агрегированию и защите интересов той или иной части населения страны (и молодежи в частности).

Социальная активность не определяется только политической активностью. В жизни между политическими выборами у молодежи существует огромный простор для реализации своих общественных и личных амбиций. Одним из путей социальной самореализации для молодых людей является участие в деятельности молодежных организаций, которые могут быть как зарегистрированными общественными организациями, так и полуформальными, временными группами.

Довольно неоднозначно в молодежной среде представление о том, должны ли органы власти стимулировать и помогать молодежи реализовать свою общественную активность (рисунок 5).

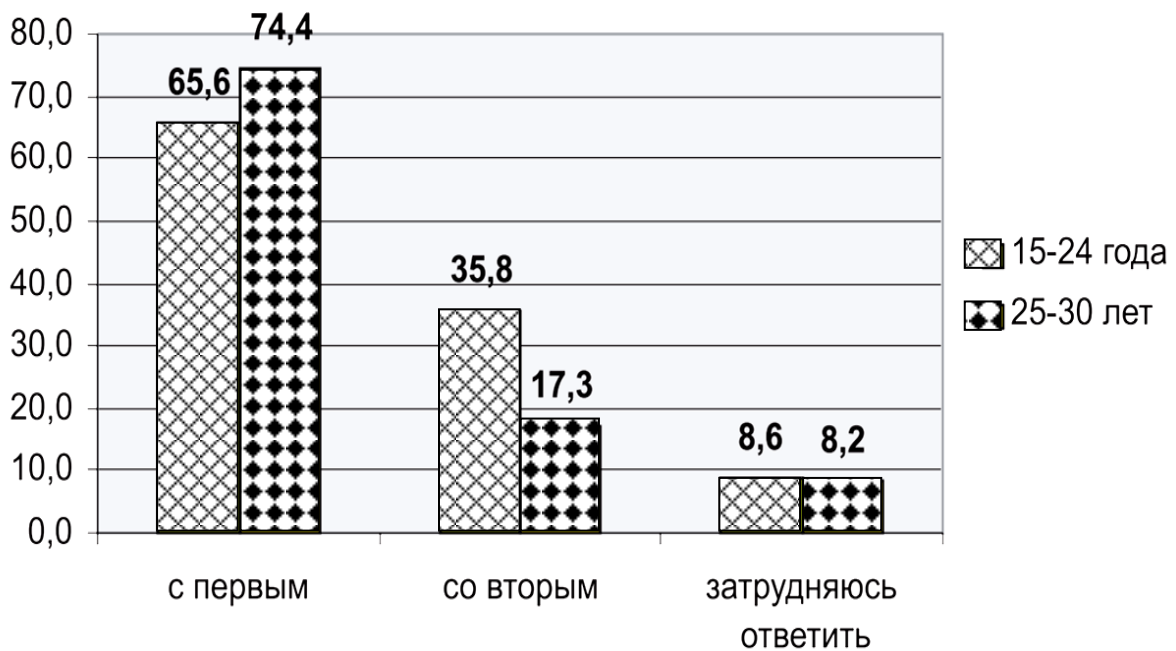

Рисунок 5. Результаты социологического опроса «Одни считают, что органы власти должно оказывать помощь молодежным организациям, другие полагают, что государство должно только следить за тем, чтобы молодежные организации действовали в рамках закона. С каким мнением – с первым или со вторым – Вы согласны?»

В настоящее время сформировались две тенденции формирования взаимоотношений власти и молодежи. С одной стороны, это встраивание в политическую систему молодежных общественных и политических организаций с потерей ими статуса выразителей интересов общества и подконтрольным государству положением (Российский союз молодежи, «Наши» и др.).

С другой стороны, это исключение из процесса принятия и реализации управленческих решений тех молодежных организаций, которые не включены в политическую систему и осуществляют относительно независимую от власти деятельность (Авангард красной молодежи, Национал-большевистская партия и др.). Данные организации молодежи приобретают характер политических маргиналов, аутсайдеров, деятельность которых постепенно сходит на «нет».

Тренды, сформировавшиеся на федеральном уровне, оказывают непосредственное влияние на характер взаимодействия органов государственной власти с молодежью на региональном уровне.

Социологический анализ свидетельствует о том, что на сегодняшний день в регионах России сложились пять моделей молодежной политики:

Таблица 2. Характеристика современных моделей коммуникативного взаимодействия власти и молодежи

Модели взаимодействия власти и молодежи	Характеристика модели	Регионы, реализующие модель
патриархальная модель	активное государственное регулирование активности молодежи; высокий уровень институционально-правовой базы (закон по молодежной политике, закон о государственной поддержке молодежных общественных организаций); слабое развитие молодежного общественного движения; наличие молодежных парламентов	республики: Адыгея, Тыва, Алтай, Башкортостан, Хакасия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Марий Эл, Саха, Северная Осетия–Алания, Бурятия, Удмуртия, Коми, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Чечня; края: Приморский, Ставропольский, Хабаровский; области: Амурская, Кемеровская, Читинская, Рязанская, Калужская, Волгоградская, Сахалинская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Камчатская, Костромская, Курская, Липецкая, Магаданская, Оренбургская, Орловская, Ростовская, Тамбовская; автономные округа: Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ненецкий, Чукотский, Еврейская автономная область, Агинский Бурятский, Усть-Ордынский Бурятский
социалистическая модель	наличие сформированной институционально-правовой базой молодежной политики; государственное регулирование молодежной политики; доминирование организаций с левой идеологией в молодежном политическом движении; достаточно развитое молодежное общественное движение	республика Татарстан, Красноярский край, Брянская, Тюменская, Самарская, Саратовская, Ярославская области
смешанная модель	сосуществование в молодежном политическом движении организаций патриотической и социалистической направленности	республики: Карелия, Чувашия; края: Алтайский, Краснодарский; области: Астраханская, Архангельская, Белгородская, Новосибирская, Воронежская, Кировская, Омская, Смоленская
либерально-консервативная модель	закрепленные на законодательном уровне принципы и направления молодежной политики, обязательства государства по отношению к молодежи; сосуществование патриотических, лояльных государству организаций и либеральных оппозиционных организаций	республика Мордовия, Курганская, Мурманская, Свердловская, Ленинградская, Псковская области
плюралистическая модель	ограниченное вмешательство государства в регулирование молодежной политики; идеологический плюрализм в молодежном политическом движении; высокоразвитое молодежное общественное движение	Москва, Санкт-Петербург, Московская, Владимирская, Тверская, Тульская, Нижегородская, Пензенская, Томская, Челябинская, Ульяновская, Новгородская области, Пермский край

К основным факторам, обусловившим формирование в регионах указанных моделей взаимодействия, следует отнести специфику политического режима региона, исторические традиции взаимодействия власти и молодежи, уровень социально-экономического и инновационного развития.

Проведенное исследование свидетельствует о преобладании патриархальной модели молодежной политики, представленной более чем в половине субъектов Российской Федерации, что ведет к формированию соответствующей системы ценностей в сознании современной молодежи.

В целом в системе государственного управления в настоящий момент отсутствует актуальная и достоверная информация о возможностях и потребностях молодежи, что приводит к невозможности принятия обоснованных управленческих решений, необходимых и востребованных молодыми людьми.

Данная проблема усугубляется отсутствием согласованности действий органов исполнительной власти разного уровня и разных отраслей. Так, например, Приказом Минпромторга России от 10 апреля 2009 г. № 252 утверждена ведомственная целевая программа «Повышение эффективности отраслевых систем подготовки и повышения квалификации руководящих сотрудников и специалистов в высокотехнологичных секторах промышленности». Мероприятия Программы направлены, в том числе, на целевую группу – «молодые специалисты с высоким потенциалом развития», однако не скоординированы с мероприятиями, реализуемыми другими ведомствами, и не воспринимаются ее представителями как единая система с разными возможностями [4, 12].

С другой стороны, информация о реализуемых мерах не полностью доходит до целевой группы, что не позволяет обеспечить «обратную связь».

Большинство опрошенных нами молодых людей (58%) имеет самое общее представление о данной программе и мало знает о ее целевом назначении. 12% молодежи хорошо осведомлены, а 30% вообще первый раз слышат об активной государственной политике в области поддержки молодежи.

Проведенное исследование показало, что, к сожалению, о государственных программах поддержки молодежи знают только 8% молодежи. Наиболее известные для молодежи программы – это предоставления жилья молодой семье. К государственным программам поддержки молодежи опрошенные также ошибочно относят государственные программы стимулирования рождаемости, в частности предоставление материнского капитала.

Решение этой системной проблемы в настоящий момент возможно только при условии наличия координации деятельности различных ведомств. При этом одним из ключевых инструментов решения проблемы должно стать широкомасштабное внедрение современных информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют установить взаимодействие со всеми представителями органов власти и молодежи.

Реализуемая в настоящее время Концепция федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011–2015 годы содержит стратегические ориентиры, направленные на повышение эффективности взаимодействия власти и молодежи [4].

Таблица 3. Стратегические ориентиры развития коммуникативного взаимодействия власти и молодежи

Стратегический ориентир развития коммуникативного взаимодействия власти и молодежи	Значение
Доля учащихся старших классов общеобразовательных учреждений, участвующих в программах по трудоустройству, профессиональной ориентации, в общем количестве молодежи	Не менее 100% в 2015 г.
Доля молодых людей, принимающих участие в добровольческой деятельности, в общем количестве молодежи	Не менее 18% в 2015 г.
Доля молодых людей, участвующих в мероприятиях (конкурсах, фестивалях, олимпиадах) научно-технической направленности, в общем количестве молодежи	Не менее 60% в 2015 г.
Количество молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, вовлеченных в проекты и программы в сфере реабилитации, социальной адаптации и профилактики асоциального поведения	Не менее 8 000 человек в 2015 г.
Доля государственных и муниципальных учреждений по работе с молодежью, оборудованных в соответствии с требованиями стандарта работы учреждений по работе с молодежью, в общем количестве учреждений по работе с молодежью	Не менее 75% в 2015 г.

Для достижения поставленных стратегических задач на уровне государства должны быть организованы:

- мероприятия, стимулирующие увеличение численности молодежи, направленные на повышение рождаемости, обеспечение экономической занятости молодежи;
- мероприятия, направленные на технологическую модернизацию экономики страны в целях создания благоприятных условий для осознания молодежью своих жизненных целей и предлагаемых обществом перспектив;
- мероприятия, стимулирующие молодежь к здоровому образу жизни.

Проведенное социологическое исследование практики взаимодействия органов власти и молодежи свидетельствует, что молодые люди осознают, что возможности принимать участие в общественно-политическом процессе, оказывать влияние на выработку молодежной политики, а также реализовывать свои карьерные амбиции они могут получить только при активном взаимодействии и сотрудничестве с государством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аналитический вестник Совета Федерации №4 (321) «Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт» /- М., 2007. – 58 с.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: ретроспектива и перспектива [Электронный ресурс] // <http://window.edu.ru/>
3. Zubok YU.A., CHuprov V.I. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования, 2008. № 7.
4. Концепция федеральной целевой программы «Молодежь России» на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] // <http://www.timolod.ru/helpful>
5. Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала. Доклад Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по заказу Федерального агентства по делам молодежи 2013 г. [Электронный ресурс] // <http://www.fadm.gov.ru/>
6. Пастухова Л.С., Кочнев С.В. Фактор «участия молодежи» в процессах модернизации российского общества: региональный и местный аспекты / Л.С. Пастухова, С.В. Кочнев // Социальная политика и социология. 2009. № 10 (52). – С. 14–33.
7. Кочнев С.В., Пастухова Л.С. Об истории, современном состоянии, тенденциях развития молодежного самоуправления на территории РФ (на основе опыта развития молодежного парламентаризма в России) / Л.С. Пастухова, С.В. Кочнев // Развитие институтов молодежного самоуправления на территории Московской области (материалы и документы о развитии молодежного самоуправления в Российской Федерации и на территории Московской области). – М., 2006. – С. 6–21.
8. Кочнев С.В. Показатели участия молодежи в принятии решений на местном уровне (анализ на примере Московской области) / С.В. Кочнев // Молодіжна політика: проблеми та перспективи: зб. наук. праць / наук. ред. С. А. Щудло. – Дрогобич: Редакці.-видавн. відділ Дрогобицьк. державного педагог. ун-ту ім. Івана Франка, 2011. – С. 129–134.
9. Кочнев С.В. Социальные практики участия молодежи в принятии общественно значимых решений / С.В. Кочнев // Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. Вал.А. Лукова. – М., 2011. Вып. 1. – С. 22–29.
10. Представление интересов молодежи в органах власти // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного социально экономического развития: Образование, наука, производство». – Самара, 2006. – С.23–25.
11. Тумуров Ж.Т. Современные коммуникации как инструменты политической культуры XXI века // Формирование и становление политической культуры: история и современность: матер. регион. науч.-практ. конф. – Агинское: АФ БГУ, 2010. – С. 45–49.
12. Тумуров Ж.Т. Формирование молодежного парламентаризма: теория и практика // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 6(85). – С. 35–40.

REFERENCES

1. Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii №4 (321) "Molodezhnaya politika: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt" /- M., 2007. - 58 s.
2. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. Molodezh Rossii: retrospektiva i perspektiva [Elektronnyy resurs] // <http://window.edu.ru/>
3. Zubok YU.A., CHuprov V.I. Stanovlenie i razvitie otechestvennoy sotsiologii molodezhi // Sotsiologicheskie issledovaniya, 2008. № 7.
4. Kontseptsiya federalnoy tselevoy programmy "Molodezh Rossii" na 2011-2015 gody [Elektronnyy resurs] // <http://www.timolod.ru/helpful>
5. Molodezh Rossii 2000-2025: razvitie chelovecheskogo kapitala. Doklad Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po zakazu Federalnogo agentstva po delam molodezhi 2013 g. [Elektronnyy resurs] // <http://www.fadm.gov.ru/>

6. Pastukhova L.S., Kochnev S.V. Faktor "uchastiya molodezhi" v protsessakh modernizatsii rossiyskogo obshchestva: regionalnyy i mestnyy aspekty / L.S. Pastukhova, S.V. Kochnev // Sotsialnaya politika i sotsiologiya. 2009. № 10 (52). - S. 14-33.
7. Kochnev S.V., Pastukhova L.S. Ob istorii, sovremennom sostoyanii, tendentsiyakh razvitiya molodezhnogo samoupravleniya na territorii RF (na osnove opyta razvitiya molodezhnogo parlamentarizma v Rossii) / L.S. Pastukhova, S.V. Kochnev // Razvitie institutov molodezhnogo samoupravleniya na territorii Moskovskoy oblasti (materialy i dokumenty o razvitii molodezhnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii i na territorii Moskovskoy oblasti). - M., 2006. - S. 6-21.
8. Kochnev S.V. Pokazateli uchastiya molodezhi v prinyatii resheniy na mestnom urovne (analiz na primere Moskovskoy oblasti) / S.V. Kochnev // Molodizhnaya politika: problemi ta perstpektivi: zb. nauk. prats / nauk. red. S. A. SHCHudlo. - Drogobich: Redaktsi.-vidavn. viddil Drogobitsk. derzhavnogo pedagog. un-tu im. Ivana Franko, 2011. - S. 129-134.
9. Kochnev S.V. Sotsialnye praktiki uchastiya molodezhi v prinyatii obshchestvenno znachimykh resheniy / S.V. Kochnev // Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: rossiyskaya i mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokoleniy / pod obshch. red. Val.A. Lukova. - M., 2011. Vyp. 1. - S. 22-29.
10. Predstavlenie interesov molodezhi v organakh vlasti // Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktualnye problemy sovremennogo sotsialno ekonomicheskogo razvitiya: Obrazovanie, nauka, proizvodstvo". - Samara, 2006. - S.23-25.
11. Tumurov ZH.T. Sovremennye kommunikatsii kak instrumenty politicheskoy kultury XXI veka // Formirovanie i stanovlenie politicheskoy kultury: istoriya i sovremennost: mater. region. nauch.-prakt. konf. - Aginskoe: AF BGU, 2010. - S. 45-49.
12. Tumurov ZH.T. Formirovanie molodezhnogo parlamentarizma: teoriya i praktika // Vestnik CHitinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 6(85). - S. 35-40.